

Аннотация: В статье говорится о значении символов в богослужении, психологических аспектах религиозных символов.

Ключевые слова: религия, христианская икона, семантика цвета, архетип, символ, ритуал, символический язык.

Религия многие века играла важную роль в жизни общества. Она и сегодня остается живой силой, хранительницей вневременных ценностей. Во многих странах религия является выражением системы идеалов исповедующего ее народа, провозглашая, что есть человек и чем он должен быть. В большинстве государств элемент социального контроля обеспечивается скорее религией, нежели политической и правовой организациями [1].

Возникают вопросы: с помощью каких приемов религии достигают посева базовых понятий в душах людей и как на их основе организуют правильное поведение, каковы инструменты, позволяющие добиваться передачи культурных ценностей от поколения к поколению. Многовековая история существования религии показывает, прежде всего, с помощью системы символов, работающих на создание мощной и долговременной мотивации, формирующей у верующих представления о всеобщем порядке существования.

Религиозные символические системы относятся к макроуровню социальной жизни. Они обеспечивают осмысленность человеческого поведения, сопоставляя его с общим пониманием смысла жизни в контексте мироздания и общего порядка бытия. Религия занимается не столько конкретными вопросами повседневного существования, сколько пониманием самой жизни, ее смысла перед лицом смерти, страданий, несправедливости.

Существование символов в религиозной практике связано с особенностями психологии людей: им очень трудно обходиться без внешних атрибутов. Символы облегчают переход от восприятия внешнего к внутреннему переживанию. Они помогают понять природу мира, помещая негативный опыт в рамки общей картины мироздания, где он получает объяснение и за счет этого несет эмоциональное утешение.

В религиозных символах осознается опыт предельности, встречи с чем-то «другим», выходящим за рамки обычного, «священным», встречи, которая означает некое особое отношение к реальности и сама выходит за пределы повседневного (просветление, озарение и т.д.) [2].

Ритуалы, символы, прививая социальные навыки, создают условия для противостояния разрушительным аспектам общественной жизни. В религии они незаменимы потому, что представляют нечто такое, что иным путем не может быть выражено вообще. Они — единственный способ выразить то, что «по определению» является невыразимым: священное, т.е. то, что не является «вещью среди вещей», а чем-то совсем особым.

В нашем суетном мире, когда человек редко остается один на один с собой, редко обращается к своему внутреннему миру, возникает потребность в открытии реальности и ценности внутреннего, субъективного мира психического, в открытии символической жизни. По этому поводу Юнг говорит следующее: «Человек нуждается в символической жизни. Следует иметь в виду, что только символическая жизнь способна выразить повседневные нужды души! И поскольку у людей нет символической жизни, они не в силах выбраться из ужасных, скрежещущих жерновов обыденной жизни, с которой они вынуждены мириться» [2].

Слово «символ» происходит от греческого слова «сим-болон», в котором объединяются два корневых

слова: *сим* в значении «вместе» или «с» и *болон* в значении «то, что было отброшено». Отсюда основное значение слова сим-болон: «то, что было сведено вместе». В первоначальном употреблении в греческом языке символы обозначали две половины предмета (например, палочки или монеты), которые торговцы оставляют у себя в качестве залога для установления в дальнейшем личности предьявителя одной половины по отношению к владельцу другой половины. Таким образом, первоначально символ представлял собой половинку, указывающую на недостающую часть предмета. Соединение половинок позволяло восстановить первоначальный, целостный предмет. Этот процесс соответствует нашему пониманию психологической функции символа.

Символ приводит нас к недостающей части целостной личности. Он позволяет нам установить связь с нашей первоначальной всеобщностью. Символ устраняет нашу расщепленность, отчужденность от жизни. Поскольку целостная личность значительно больше, чем это, символ реализует нашу связь со сверхличностными силами, которые составляют источник нашего существования и смысла нашей жизни. Поэтому необходимо относиться с должным почтением к субъективности символической жизни [2].

Символичность языка религии помогает человеку отождествить себя с бесконечным. Вечная проблема смысла, столь животрепещущая для нас сегодня, вполне решается лишь в связи с ощущением соотнесенности с чем-то «большим», чем мы сами. Человек ощущает недостаточность мира, построенного всего лишь по волеизъявлению эго, стремится к чему-то более значительному. Юнг писал: «Решающим для человека является вопрос, связан ли он с чем-то бесконечным, или нет? Таков определяющий вопрос его жизни» [3].

К.Г. Юнг связывал символы в жизни человека с существованием архетипов (буквально, «первичных моделей»), считая, что символы являются продуктами спонтанной деятельности архетипической психики. Он ввел в психологию понятие «коллективное бессознательное», которое представляет собой хранилище латентных следов памяти человечества. В нем отражены мысли и чувства, общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого. Как говорил сам Юнг, «в коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивидуума». Содержание коллективного бессознательного складывается благодаря наследственности и одинаково для всего человечества [3].

Архетипы — это врожденные идеи или воспоминания, которые предрасполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. В действительности, это не воспоминания или образы как таковые, а скорее, именно предрасполагающие факторы, под влиянием которых люди реализуют в своем поведении универсальные модели восприятия, мышления и действия в ответ на какой-либо объект или событие. Врожденной здесь является именно тенденция реагировать эмоционально, когнитивно, поведенчески на конкретные ситуации [4].

К.Г. Юнг пришел к выводу, что, символическим является такое слово или образ, значение которого выходит

за рамки прямого и не поддается точному определению или объяснению. Когда разум пытается объять некий символ, то неизбежно приходит к идеям, лежащим за пределами логики [3]. Система символов помогает выразить невыразимое, в какой-то мере обозначить в слове чувства, не укладывающиеся в принятые понятия и эмоции, активизировать глубинные переживания личности.

Исследователи приходят к выводу, что непосредственный религиозный опыт — это в значительной степени подсознательное, эмоциональное переживание, но оно не может сохраняться в памяти без должного рационального оформления. В этом смысле ритуалы и обряды выступают как могучий охранитель идей, как самое надежное средство ввести в народные массы известные религиозные воззрения. Если проанализировать обрядовые и ритуальные особенности церкви, то мы увидим, что лишь частично воздействие на человека осуществляется на уровне логики. Большая часть воздействия осуществляется на эмоциональном, интуитивном уровне. Участвуя в обрядах, верующие, ориентирующиеся на чувства, легко духовно «резонируют» под влиянием музыки, изображений и символов [5].

Символы, ритуалы и обряды предназначены для создания, возбуждения или поддержания определенных психических состояний личности или группы, в том числе измененных состояний. Например, в христианстве этому способствует многократное повторение молитвы. Молитва успокаивает человека, настраивает на определенное состояние, стирает отвлекающие мысли. Она способствует успокоению мысли, остановке сознания, достижению одноточечного сознания в пространстве и времени, выступает как средство разрушения привязанностей. Тогда внимание может сконцентрироваться на некоторых духовных объектах. При осуществлении ритуалов каждый участник испытывает чувство растворения в общности, для него исчезает неудержимый бег потока времени.

В церковных ритуалах и обрядах также используется ритм. Известно, что ритм способствует освобождению сознания от логики, то есть фактически приводит его к медитативному состоянию, когда человек ощущает себя погруженным в непрерывный поток. Сознание переходит на наглядно-действенные и наглядно-образные виды мышления. Поэтому неудивительно, что для усиления воздействия ритуалов в качестве основных используются приемы, активизирующие правое полушарие и ускоряющие наступление резонанса. Люди, участвующие в службе, часто испытывают особое ощущение благополучия, облегчения, при этом ослабляются длительные и интенсивные стрессы.

С точки зрения психологии массовидных явлений, звучание хора, участие в хоровом пении в наивысшей степени воплощает чувство «мы». Кроме этого хоровое пение, мессы, реквиемы, звучащие под сводами храмов, создают атмосферу ирреальности. Совокупность приемов в экстатических и медитативных ритуалах способствует расширению границы «Я» — человек на время становится как бы другим, испытывает чувство перевоплощения. Нарастание эмоциональной вовлеченности участников ритуала обязано специфическому процессу эмоционального заражения. Если при помощи речи человек приспособился передавать другим свои мысли, то ритуалы и обряды помогают передать свои чувства окружающим, заразить их и, ощутив переживания окружающих, с новой силой заразиться ими.

Пережив духоподъемную, опьяняющую и закрепляющую силу таких мощных объединяющих чувств, человек испытывает потребность в их повторении. Так поддерживается стремление к тому, чтобы в определенные моменты жизни члены общества совместно переживали, чувствовали и осознавали общность своих целей, ценностей и интересов, побуждающих их к деятельности. В этом смысле эффективность ритуалов зависит от существования группы людей, искренне разделяющих общие

ценности.

Американский психоаналитик Д. Ранкур-Лаферьер, размышляя о важности символов и ритуалов церкви, обращает внимание на проблему самооценки. Он пишет, что одно из преимуществ веры в Бога состоит в возникновении кого-то верящего в *тебя*. Если переходить на более приемлемый для православия язык, суть возжигания молитвенной свечи — в освещении себя Фаворским светом. Свеча не только освещает объект почитания, то есть того, кто не нуждается в свете. Эта свеча есть еще и метонимическое обозначение почитателя, того, кому *требуется* внимание, признание почитаемого. В идеале, почитатель стремится получить поддержку от объекта почитания, а может быть, даже чудесную помощь. Но такой результат вовсе не обязателен для религиозного опыта иконопочитания. Важно, что почитателя заметил, *увидел* почитаемый [6].

Говоря о символах, используемых в религиозной практике, отдельно следует сказать об иконах. В.Н. Лосский, Л.А. Успенский, считают, что цель иконы — не в том, чтобы возбудить или усилить в нас то или иное естественное человеческое чувство: «Икона не *трогательна*, не чувствительна. Цель ее — направить все наши чувства, так же как и ум, и всю нашу человеческую природу к ее истинной цели — на путь преображения» [7].

Размышляя об иконе, П. Флоренский говорит о границе соприкосновения двух миров, ... ибо и в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом. Он подчеркивает, что икона имеет целью вывести сознание в мир духовный и является орудием сверхчувственного познания [8].

«Икона всегда или больше себя самоё, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе как расписанной доской. Глубоко ложно то современное направление, по которому в иконописи надлежит видеть древнее искусство, живопись, и ложно, прежде всего, потому, что тут за живописью вообще — отрицается собственная ее сила: даже и вообще живопись или больше или меньше самоё себя. Всякая живопись имеет целью вывести зрителя за предел чувственно воспринимаемых красок и холста на некоторую реальность, и тогда живописное произведение разделяет со всеми символами вообще основную их онтологическую характеристику — быть тем, что они символизируют. А если своей цели живописец не достиг, вообще ли или применительно к данному зрителю, и произведение никуда *за* себя самого не выводит, то не может быть и речи о нем, как о произведении искусства» [8].

Огромное значение в иконах придается свету. Флоренский утверждает, что содержание всякого опыта, всякое бытие, есть свет. Метафизический свет — это единственная истинная реальность, но недоступная нашему физическому зрению. То же и в отношении православной иконописи, где этот изначальный свет изображается *золотом* как веществом, полностью эстетически несовместимым с обычной краской. Золото здесь выступает как свет, который *не-цвет*. Этим символизируется то, что вечный свет трансцендентен даже по отношению к тому, что изображено на иконе. Само же изображенное также вне- и надмирно.

Цвета красок также имеют значение в иконах. За долгую историю развития человечества в культурной традиции сложились неосознаваемые (биоархетипические) соответствия между отдельными цветами и определенными символическими значениями. При встрече человека с тем или иным цветом происходит спонтанное ассоциирование физиологического ощущения с закрепленным в данной культурной традиции символическим смыслом [9].

В психологии много исследований о влиянии цвета на психофизиологическое состояние человека. Так, на-

пример, М. Люшер разработал основы функциональной психологии цветовосприятия и создал на ее базе широко известный в практике психодиагностики цветовой тест, относящийся к высокоэффективным проективным методикам и предназначенный для изучения ситуативного эмоционального состояния личности и ее адаптации к различным социально-психологическим ситуациям. Исходной точкой построения цветопсихологической диагностической системы явилась концепция связи основных цветов с определенными настроениями и специфическим характером отношений человека с окружением.

Гете писал: «Цвета действуют на душу: они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысли, которые нас успокаивают или волнуют, они печалят или радуют». Подобно тому как музыка вызывает чувства, передает настроение и способна выражать самые тончайшие изменения чувств, также и цвета путем различных цветовых тонов, путем различной степени яркости и насыщенности вызывают у каждого человека также совершенно определенные ощущения [10].

Уже в иконах XIII-XIV веков мы видим стремление использовать чистые и яркие цвета. Благодаря этим открытым краскам иконы получили способность светиться и в полутемных интерьерах храмов. Нередко чистые цвета сопоставляются друг с другом по контрасту: красные - синие, белые - черные, что сообщает иконе большую силу выражения.

Смысловая гамма иконописных красок необозрима. При этом важное место занимают всевозможные оттенки небесного свода. Иконописцы знали великое многообразие оттенков голубого: и темно-синий цвет звездной ночи, и яркое сияние голубой тверди, и множество бледнеющих к закату тонов светло-голубых, бирюзовых и даже зеленоватых.

Со времен античности белый цвет имел значение «чистоты» и святости, отрешенности от мирского (цветного), устремленности к духовной простоте и возвышенности. Так, по-видимому, со времен классической Греции сохранились и представления о цветастом и пестром как выражении суеты сует, как о зле повседневности, уничтожающем величие времен. Эту символику белый цвет сохранил и в византийском эстетическом сознании. Белый как равноправный цвет означает светосность, «родство с божественным светом».

Пурпурные тона в иконах используются для изображения небесной грозы, зарева пожара, освещения бездонной глубины вечной ночи в аду. Коричневый цвет символизируется с цветом голой земли, праха, всего временного и тленного. Смешиваясь с царским пурпуром в одеждах Богоматери, этот цвет напоминал о человеческой природе, подвластной смерти.

Чёрный цвет - цвет зла и смерти. В иконописи чёрным закрашивали пещеры - символы могилы - и зияющую адскую бездну. В некоторых сюжетах это мог быть цвет тайны. Например, на чёрном фоне, означавшем непостижимую глубину Вселенной, изображали старца в иконе Сошествия Святого Духа. Черные одежды монахов, ушедших от обычной жизни, - это символ отказа от прежних удовольствий и привычек, своего рода смерть при жизни.

Цвет, который никогда не использовался в иконописи - серый. Смешав в себе чёрное и белое, зло и добро,

он становился цветом неясности, пустоты, небытия. Такому цвету не было места в лучезарном мире иконы.

С точки зрения церковного богослужения, не один только потусторонний мир Божественной славы нашел себе место в иконописи. В ней также живое, действенное соприкосновение двух миров, двух планов существования: с одной стороны - потусторонний вечный покой, с другой стороны - страждущее, греховное, хаотическое, но стремящееся к успокоению в Боге существование - мир ищущий, но еще не нашедший Бога.

По мнению Юнга, идеи в религии представляют собой продукт досознательного знания, которое всегда и везде выражается через символы. Это универсальные психические факты, поэтому они работают даже при условии, что интеллект не воспринимает их. Юнг считал, что мы не можем перевести назад стрелки часов и заставить себя поверить «в то, что, как мы знаем, не соответствует истине»; однако мы могли бы задуматься об истинном смысле символов и сохранить, благодаря этому, какую-то часть достижений нашей цивилизации. Признание религиозных истин за их символический характер, то есть, за то, что они представляют собой на самом деле, открывает двери перед мудростью прошлого [3].

Долгое время считалось, что по мере развития средств передачи культуры новым поколениям роль символов и ритуалов уменьшится. Вместе с тем в настоящее время мы наблюдаем тенденцию усиления их роли, т.к. они играют ключевую роль в сохранении традиций и обычаев народа, помогают членам общества совместно переживать и осознавать общность своих целей и устремлений [1].

Символы имеют важное значение в жизни человека. Они привязывают индивида к исторически сложившимся чувствам, деятельности, ценностям и верованиям. Символы функционируют как составная часть социального организма. Они помогают индивиду преодолеть время и пространство, выйти «за пределы себя».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004. 576 с.
2. Даурли Д.П., Эдингер Э., Зеленский В.К. Г. Юнг и христианство. СПб.: Академический проект, 1999. 287 с.
3. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2009. 303 с.
4. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1999. 608 с.
5. Гараджа В.Н. Социология религии. М.: Наука, 1995. 223 с.
6. Ранкур-Лаферьер Д. Традиция почитания икон Богоматери в России глазами американского психоаналитика. М.: Ладомир, 2005. 348 с.
7. Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет: Эксмо, 2014. 336 с.
8. Флоренский П. Иконостас. М.: Эксмо, 2008. 76 с.
9. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2004. 672 с.
10. Драгунский В.В. Цветовой личностный тест. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 448 с.

RELIGIOUS SYMBOLS

© 2015

N.A. Buravljova, candidate of psychological sciences, associate professor of department of psychological and pedagogical education
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk (Russia)

Abstract. In the article the meaning of the symbols in the temple of worship, the psychological aspects of the characters are discussed.

Keywords: religion, Christian icon, the semantics of color, archetype, symbol, ritual, symbolic language.